

Анна Платунова

ШЕЛКИ
КРОВЬ

Королевская жатва

Анна Платунова

Шелк и кровь.

Королевская жатва

<https://litres.ru/74271569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Рианна. Когда-то я была принцессой Невериона — дочерью короля-тирана. Теперь я никто.

Мой отец придумал Королевскую жатву — смертельные игры для детей простолюдинов. А после революции пришла очередь умирать нам, наследникам аристократов.

Если узнают, кто я такая, — меня казнят первой. И только один человек знает мое настоящее имя.

Корвин Райдер. Генерал, которого я однажды унизила перед всем двором. Мужчина, который должен ненавидеть меня больше всех на свете.

Между нами взаимная вражда и опасное притяжение. Он то спасает меня, то предает. И в этих играх страшнее всего не смерть, а то, что я начинаю чувствовать к нему.

Книга 1

Вайб «Голодных игр»

Сильные острые эмоции и сложные чувства

Опасный и противоречивый герой

Адекватная и сильная героиня

ХЭ

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	61
Глава 9	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Анна Платунова

Шелк и кровь.

Королевская жатва

Пролог

Я ни хрена не воин.

Пора признаться себе, Рин: ты не выживешь. И то, что ты каким-то чудом задержалась на этом свете, не твоя заслуга. Это... Это случайность. И немного помощи от Корвина, мать его, Райдера. Проклятого генерала Райдера. Да лучше бы я сдохла, чем до сих пор дышать благодаря ему.

Это ненадолго. Я не тешу себя иллюзиями: Райдер раздается со мной, как только возьмет полную плату за свое унижение. И пощады ждать не приходится.

Я потеряла запястья, на которых все еще были следы от грубых веревок. Они содрали кожу, и ссадины не успели полностью затянуться. Выглядела я, должно быть, ужасно. Руки и ноги в синяках разной степени заживления: багровые, темно-лиловые, желтоватые. На скуле, у края роста волос, горел порез. Чувствовала я себя под стать внешнему виду: премерзко. И не только потому, что все тело ломило. Физическая боль казалась пустяком, безделицей в сравнении с

болью душевной.

Мне было горько. Вся моя прежняя жизнь рухнула в одночасье. Две недели назад я была высокорожденной принцессой Рианной, наследницей короны Вальдарцев, единственной дочерью короля. Теперь стала никем. Девушкой без имени, не считать ведь им придуманное наспех «Арин Торн», дочь не слишком богатого аристократа, студентка второго курса академии Арканум Розендорф, где учатся дети знатных родов. Теперь всем нам предстоит погибнуть.

Я и представить не могла, что какие-то бородатые и грязные мужланы, вооруженные едва ли не вилами, захватят академию без особого труда. Я не виню отца, но он оказался слегка самонадеян, когда думал, что чернь не решится на столь самоубийственный шаг. Что отпрыски аристократических семейств неприкосновенны. Вот только сообщить об этом стремным парням, кажется, забыли. Они ведь даже не были военными, никто не учил их сражаться, слушаться приказов, продумывать стратегии. Однако их вела ненависть, и там, где на пол замертво валились двое, сраженные боевыми заклинаниями наших доблестных преподавателей, вставляли четверо.

Я обычно не запирала дверь в комнату, зачем бы? Кого мне опасаться? Но тут, услышав гневные крики и вопли боли, грохот и топот, я немедленно повернула ключ в замке, да так и стояла посреди комнаты, обняв себя за плечи, пока дверь не выбили одним резким ударом ноги.

Отвратительный бородатый тип схватил меня за плечо и выволок за дверь, сопроводив пинком под зад. Это были первые синяки, оставшиеся на моем теле.

Нас вытаскивали из спален, ловили в коридорах и на дорогах сквера — кто-то успел выбраться из окон и броситься наутек. Но не тут-то было, всех догнали. Я так досадовала на себя, что знаю еще слишком мало, не умею сражаться наравне с немногочисленными гвардейцами и преподавателями, что спасали нас ценой собственной жизни. Это потом я поняла, что моя юность и неопытность на некоторое время стала моей защитой, ведь всех, кто учился на четвертом и пятом курсе...

Я тряхнула головой. Не думать. Не вспоминать. Не сейчас, когда мне понадобятся все душевные силы. Ведь с минуты на минуту в комнату войдет генерал Райдер.

Во что он будет одет? Как обычно, затянут в строгий мундир, сидящий на нем как вторая кожа? Или ради такого случая переоденется в домашнее? В свободную рубашку? В халат, который так легко скинуть?..

Меня вот нарядили в тонкий пеньюар, поверх которого была накидка из полупрозрачной ткани. Она почти ничего не скрывала, в том числе мои многочисленные синяки.

Надеюсь, вам будет гадко дотрагиваться до меня, ненавистный Райдер!

Меня затошнило. До конца не понимая, что делаю, я побежала к окну, рванула створку, в лицо ударил студеный

осенний ветер. День сегодня на удивление хмурый и пасмурный, с утра шел дождь. Если я сейчас выпрыгну во внутренний двор с третьего этажа, приземлюсь прямо в грязь, и кровь смешается с мутной дождевой водой. Прекрасный финал жизни опальной принцессы.

Что я говорила пять минут назад? Лучше бы сдохнуть? Забудьте! Не для того я держалась столько времени, чтобы потом бесславно околеть под окнами собственного дворца. Я вцеплюсь зубами в эту жизнь, я выгрызу свободу и найду способ отомстить за все!

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Давай, Рин, приходи в себя. Притворись. Улыбайся. Играй. В конце концов, он всего лишь мужчина, а у привлекательных особей женского пола всегда найдется пара хитростей, чтобы заставить мужчин плясать под свою дудку.

Память непростительно подкинула мне образ Корвина Райдера, стоящего на коленях посреди хохочущей толпы...

И следом — образ Корвина Райдера на возвышении в парадном зале академии, куда нас всех, студентов, согнали страшной ночью Переворота. Его строгий мундир разорван на плече, перепачкан кровью врагов, черные как смоль волосы впервые со дня нашего знакомства всклокочены.

— Вы все назовете свои имена, — чеканит он. — Курс и факультет.

— Не говори, кто ты, — шепчет сбоку Майлз. — Не говори, что ты принцесса, Рин!

Я вся дрожу от макушки до пят. Происходящее кажется кошмарным сном. Я поворачиваю голову к Майлзу, его нос разбит, и по губам стекает струйка крови, которую наш отличник и тихоня небрежно стирает тыльной стороной ладони. Похоже, он тоже в шоке.

У выходов ставят столы, за ними расположились повстанцы, которые выглядят не такими дикими и грязными, как большинство. Эти знают грамоту, значит, учились. Они готовятся составлять списки.

— Придумай себе имя! Сейчас!

Голова отказывается соображать, и меня хватает только на довольно нелепую выдумку. «Арин» — почти что «Рин», мое короткое имя для близких друзей. И «Торн». Шип. Меня часто за глаза зовут Колючкой.

Студенты движутся по кругу, выстраиваются в подобие очереди, постепенно успокаиваясь. Видимость порядка обнадёживает. Кажется, что недоразумение сейчас разрешится, и никого не смущает тот факт, что старшекурсников отделяют от общей массы в отдельную группу.

— Арин Торн, — сообщаю я женщине — с ума сойти, на стороне заговорщиков воюют женщины! — Второй курс.

Ее длинные седые волосы заплетены в две тугие косы. Она кивает и пишет мое придуманное имя. Я надеюсь, что в творящейся неразберихе никто не станет вникать в имена: Арин и Арин. Почти выдыхаю. Отхожу. Вскидываю голову. И в меня врежется жгучий взгляд черных глаз...

Генерал Райдер точно знает, кто я, и сейчас мой обман раскроют! Воздух камнем застывает в груди. Но секунды бегут одна за другой. Он молчит. Потом отворачивается и обращает свое внимание на замешкавшихся у противоположной стены перепуганных мальчишек-первокурсников.

— Вы. Быстро. Сюда.

Я ковыляю на ватных ногах, сердце щемит. Он не выдал мой секрет, но я не сомневаюсь, что двигало Райдером вовсе не благородство.

...Я все еще стою у распахнутого окна в бывших покоях моего отца, когда открывается дверь и порог переступает он. Мой персональный кошмар. Ненавижу его! Ненавижу всей душой, каждой клеточкой тела!

Я улыбаюсь. Чуть откидываюсь назад, опершись на подоконник. Надеюсь, что выгляжу соблазнительно. Опыта в таких делах у меня немного, но я сделаю все, чтобы выжить, пусть для этого придется отбросить ложный стыд и мораль.

В конце концов, разве я не дочь своего отца — Рэтклиффа Железного? Тирана, которого еще при жизни называли Кровавым из-за того, что он придумал Королевскую жатву. Если бы он только знал, что его дочери придется принять участие в этом смертоносном развлечении...

Не думать. Не сейчас.

— Корвин. — Я киваю.

— Рин, — усмехается он.

Темноволосый и черноглазый ужас. Кстати, я не ошиб-

лась, он не сменил военный мундир на более удобную одежду. Может, этот клятый генерал родился в нем?

— Знакомый дерзкий взгляд. Испугана, но не сломлена.

— Я не боюсь!

— Это пока.

Глава 1

За месяц до...

Прием в честь моего скорого отъезда в академию организовали в малом зале. Лето заканчивалось, и вместе с ним мое пребывание во дворце. Я делала вид, что буду скучать, лишь бы порадовать маму, хотя ее в принципе ничего не могло осчастливить. Скучающее выражение на лице Нииры сменялось брезгливым, иногда раздраженным. Спокойным и добродушным? Нет, никогда.

Я кое-как выжила два месяца в моих комнатах, все еще хранивших воспоминания детства. Год назад я отправилась на учебу в Арканум Розендорф, оставив личные дневники, спрятанные в потайном ящике стола, платья с короткими рукавами, шитье — стыдно признаться, но я до последнего дня шила платья на кукол. И, самое главное, оставив наивные мечты об объекте моих девичьих грез.

Я уезжала неопытной девочкой, а вернулась повзрослевшей и изменившейся за год, проведенный в академии. Я выбралась из закрытого мирка детских покоев и узнала, что существует другая жизнь. Академия тоже была закрытым учебным заведением, но здесь у меня появились друзья, новые интересы, я впервые почувствовала собственную силу: моя магия постепенно начала просыпаться.

Поэтому на летних каникулах я изнывала от тоски и в ос-

новном читала. К тому же мою любимую няню Меланию, которая ухаживала за мной с рождения, рассчитали, а я даже не знала, где ее теперь искать, чтобы навестить. Я скучала по ней очень сильно. По правде говоря, моя Мелли была мне ближе и роднее, чем мать. Ее-то я видела каждый день, засыпала под ее сказки и колыбельные. Именно ее руки вытирали мне слезы и заплетали косы. Ее губы касались моего лба, целуя на ночь.

К родителям меня отводили по утрам на завтрак. Я изо всех сил старалась вести себя хорошо и заслужить благосклонный кивок отца и теплый взгляд мамы, но мои родители обычно смотрели в разные стороны, могли перекинуться парой слов. Отец изучал корреспонденцию, мама ругала повара то за слишком сладкий чай, то за слишком пресный хлеб.

Еще мы виделись час вечером. Мелли шутя называла его «час наставлений». Действительно, в это время в малой гостиной, сидя у камина, я вынуждена была выслушивать многочисленные поучения от моей царственной матери.

Я смотрела на эту великолепную женщину с идеальной осанкой, с сияющей кожей, уверенную в себе, и не могла поверить, что я, несчастная маленькая козявка, на самом деле ее дочь. Кажется, мать тоже удивлялась, глядя на меня. Во всяком случае, в ее взгляде иногда мелькало замешательство.

— Ах, Мелли, — делилась я с няней. — Я будто совсем

из другого теста сделана. Как я могу быть их дочерью? Как я потом взойду на трон? Да какая из меня правительница?

— Всею свое время, моя куколка, — смеялась Мелли и прижимала меня к своей мягкой груди, в которой я утопала, как в подушках. — Ты думаешь, твоя мама всегда была такой... Такой... Точно бы мраморной. Я-то помню, как ее привезли во дворец. Будущая королева крутила головенкой как испуганный цыпленок, вот что я тебе скажу! А теперь-то вон какая горделивая. И ты такой станешь!

Не сказать, чтобы я обрадовалась. Будь моя воля, после окончания академии я бы сбежала бы куда-нибудь на край света. Я не хотела становиться правительницей, вот ни капельки.

Поэтому во время каникул во дворце меня радовала только одна мысль: впереди еще четыре года учебы. Друзья, шалости, веселье. А потом будь что будет!

Прием в малом зале мама называла «камерным» и брезгливо морщила нос. Ей больше по вкусу были балы с размахом, с оркестром, торжественным ужином и всеобщим раболепием перед ней, королевой Ниирой.

А по мне, так и сейчас гостей хватало, и я бы не огорчилась, будь их еще меньше. Всех этих чванливых и пузатых советников отца, их напыщенных жен. Одно хорошо: на прием пригласили моих друзей по академии. Конечно, они тоже происходили из аристократических родов, но не таких именитых. Наверняка их родители с ума сошли от гордости и

радости, когда узнали о приглашении.

Моя подруга Таисия от волнения ничего не ела, вцепилась в бокал вина и озиралась круглыми от восхищения глазами.

— Я правда во дворце! — пищала она. — Мамочки, мамочки... Рин, ты мне скажи, если я буду вести себя неправильно!

— Не переживай, прием в малом зале — он как ужин в кругу семьи, скажем так. Можно наплевать на этикет. Здесь все по-простому!

— Наплевать на этикет? — Справа нарисовалась Элейн и приподняла тонкие, будто нарисованные брови.

Сама Элейн наплевала бы на этикет разве что под угрозой смертной казни, а ведь была всего лишь дочерью барона. Вот кому бы следовало родиться принцессой!

— Где ты нахваталась таких слов? — выговорила она мне.

Спасибо, подруга, мне наставлений с лихвой хватило от многочисленных гувернанток, учивших меня наукам до поступления в академию. И только с Мелли я чувствовала себя свободной и живой. Что сказать, именно от нее, моей славной няни-простолюдинки, я и нахваталась любимых словечек. Думаю, попади я сейчас в деревню — сошла бы за свою!

— Лейн, советую тебе расслабиться. — Я мягко напомнила однокурснице, что из нас двоих именно я будущая хозяйка, и не выдержала, добавила, пряча улыбку, прибаутку от Мелли: — А то спина затечет, как у цапли на болоте.

Элейн фыркнула. За что я люблю своих друзей — они не

подхалимничают. Другая бы, может, с перепугу, что заслужила недовольство принцессы, побледнела, залепетала извинения, Лейн сказала:

— Кто-то из нас троих должен вести себя достойно!

— Почему троих? — захлопала глазами Таисия.

— Потому что Майлза и Эрика я как представителей грубого мужского пола во внимание не принимаю! — отрезала Элейн.

— Майлз не грубый! — пыталась возразить Таисия.

Мы отыскиали взглядом наших друзей. Они стояли у фонтана с игристым вином и, кажется, соревновались, кто кого перепьет. Скромняга Майлз, сублинный от природы, явно отставал от высокого и крепкого Эрика, но не сдавался. Вот он зачерпнул фужером пенящуюся жидкость, опрокинул ее в себя, пошатнулся, захихикал и похлопал Эрика по спине, едва не завалившись при этом набок. Эрик ухватил приятеля за плечи, помог выпрямиться и, улыбаясь во весь рот, подставил свой фужер под струю.

— Болваны! — единодушно вынесли мы вердикт — произнесли это одновременно и расхохотались.

Гости на приеме, как это обычно случается, постепенно разделились на группы. Те, кто помоложе, оставались в зоне, где играл музыкальный квартет, било вино в фонтане и звучал смех. За столами для карточных игр собрались взрослые мужчины, их жены окружили мою мать в противоположном конце зала, рассевшись на мягких диванах.

Я видела отца, что-то обсуждающего с советниками. Перед ними лежали бумаги со схемами и чертежами. Глаза короля горели азартом. Он был весел, пьян и опасен.

Я не могла слишком долго находиться с ним наедине, и даже смотреть в его сторону было тяжело. Он был жестоким человеком. Непредсказуемым и коварным. Его милость могла в одночасье смениться гневом. Я с самого детства научилась считывать знаки приближающейся ярости, пусть даже на лице короля сияла улыбка. Я научилась лавировать и ускользать от злости отца. Но меня, наследную принцессу, и не могли кинуть в тюрьму, избить розгами или вовсе казнить. В отличие от приближенных.

Поэтому я отказала друзьям в личном знакомстве с королем Рэтклиффом. Они обижались, думали, что я считаю их недостойными, а я лишь хотела их защитить.

Вот и сейчас я знала, чему так радуется отец. Он обговаривал с советниками будущую Королевскую жатву. Ее проводили раз в год, осенью, после сбора урожая. Обычной охоты в королевских лесах отцу стало недостаточно. Слишком пресно. Куда интереснее, когда дичью становились юноши и девушки, собранные по жребию со всех концов королевства Неверион.

В этом году жатву проведут в третий раз. Победителю достанется титул барона и земли. Чего же еще нужно этим простолюдинам? Почему они смеют роптать? А то, что полсотни несчастных погибнет, так разве они и так не мрут как мухи

от болезней и голода?

— Сделай что-нибудь с этим, Рин, — умоляла меня Мелли, когда Жатва только затевалась. — Ты ведь его дочь!

— Я не могу, не могу, — качала я головой. — Он меня и слушать не станет. Мне так жаль!

— Тебе жаль? — И моя добрая любимая няня впервые посмотрела на меня как на гадкое насекомое. — Ты просто мелкая ссыкуха.

Я ничего не сказала и не сделала. Я закрыла глаза. И на приеме, бросив короткий взгляд на разложенные перед отцом бумаги, я просто отвернулась. Когда не видишь чего-то, кажется, будто этого не существует.

Прием подходил к концу. Некоторые гости разъехались. Майлза и Эрика слуги сопровождали в спальни, взяв под белы ручки: сами бы они не дошли. Я украдкой зевнула и собралась предложить подругам отправиться ко мне в покои, поболтать перед сном о нашем, девичьем.

Но случилось непредвиденное.

Распахнулась дверь, и первым в зал влетел — в буквальном смысле слова — один из гвардейцев, что охраняли вход. Металлические латы загремели по плитам пола, он заворочался как жук, упавший на спину: никак не мог подняться.

Мужчина, что так легко с ним справился, перешагнул через лежащее тело и направился напрямик к королю.

— Ого, — прошептала Таисия. — Это кто?

— Генерал Райдер, — буркнула я.

— Красивый, — констатировала Элейн. — И появление эффектное.

— У них с отцом какие-то терки, — призналась я.

Я с нарастающим напряжением наблюдала за тем, как Райдер свалил с ног второго гвардейца, сунувшегося следом за первым, как поднял кулак перед лицом подскочившего советника. Тот, выслуживаясь, прикрыл короля собственной грудью, но увидел могучий кулак у собственного носа и ретировался. Что сказать — смельчак.

Райдер не обнажил оружие: кинжал оставался в ножнах у бедра, а значит, он не хотел причинить вред отцу. Но он и так уже натворил дел на смертную казнь. Что за идиот!

— Ваше величество! — Райдер застыл в паре шагов от короля.

Надо отдать отцу должное, он сохранял спокойствие, остался сидеть, а на лице появилось скупающее выражение. Со всех сторон к эпицентру событий бежали люди. Я пошла вперед, Таисия и Элейн следом за мной.

— Я тебя не приглашал, — махнул рукой отец. — Пошел вон.

— Я получил информацию, требующую немедленного вмешательства. — А этого упрямца, похоже, не смутить! — Области на севере Невериона подверглись нападению скардов. Деревни горят. Необходимо сейчас же направить...

Отец ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— И ты вломился сюда, чтобы сообщить о набеге варва-

ров? Как пришли, так и уйдут!

На лице короля медленно распустилась улыбка, похожая на ядовитый цветок. Она была страшнее всплеска злости, уж я-то знала. Райдеру не жить. Не факт, что он вообще покинет зал приемов. Странно, он прежде не производил впечатления слабоумного!

Сколько раз, вспоминая эту секунду, я мечтала отмотать время назад. Вероятно, останься проклятый Райдер валяться на залитых кровью плитах пола, и моя судьба стала бы иной. Увы...

Я сунула бокал в руки Элейн и двинулась к отцу шатающейся походкой. Я хихикала и изображала пьяную дурочку.

— Папу-уля! — протянула я. — Что тут у вас происходит? А почему все такие серьезные? У меня праздник!

И я капризно надула губы.

Глава 2

Райдер резко повернулся и посмотрел на меня, в его суженных глазах я видела презрение. Нетрудно понять, что он думает: «Избалованная принцесса, пустышка, только развлечения на уме!» Что же, именно такого впечатления я и добивалась.

— Вы пришли меня поздравить, милый генерал? — Жеманничая, я уставила на него указательный палец, сделала несколько нетвердых шагов и как бы ненароком оказалась нос к носу с хмурым Райдером.

Зал заполнился грохотом доспехов, гвардейцы, подоспевшие на помощь, окружили короля, оттеснили Райдера, уставили на него острия длинных кинжалов. Сколько их здесь? Не меньше двадцати. Один кивок короля, и от генерала мокрого места не останется. Вернее, только оно и останется. Гвардейцы не подчиняются Райдеру, он командует регулярной армией.

— Ваше высочество, отойдите от генерала! — взволнованно попросил гвардейский капитан.

По его лоснящемуся лбу катились капли пота, он был в ужасе. Наследная принцесса явно не в себе, стоит напротив подрагивающих лезвий, улыбается, хихикает, ковыряет петлицу на черной форме Райдера. Тот посмотрел на меня, как на одичавшего щенка. Отцепил мою руку.

— Расступитесь, дайте пройти принцессе, — выплюнул он и подтолкнул меня в прореху между раздавшимися в стороны гвардейцами.

Но не тут-то было. Я со смехом увернулась, будто мы с генералом забавлялись, играя в детскую игру «Гуси на лугу»: он вышвыривает меня за пределы хоровода, а я не даюсь.

Что я творю? Зачем? За плечами растерянных вояк мелькнули встревоженные лица Таисии и Элейн. Они-то знали, что я почти не пила, и обменивались изумленными взглядами.

— Дочь, достаточно! — жестко приказал отец. — Уведите ее в покои!

— Ну па-ап, — захныкала я, — Так неинтересно! Корвин пришел поздравить меня, а вы ему и слова не даете сказать!

Вот сейчас мне очень не хватало глотка пузырящегося напитка для храбрости. Внутренности заныли в ожидании того, что я собиралась сделать.

Унизить Райдера, размазать. Уязвить его гордость. Для человека, дослужившегося до звания генерала из низов, достоинство — единственный щит. И эта застегнутая наглухо форма, эта несгибаемая шея, прямой взгляд — тоже броня.

Мой отец наверняка отправит его в отставку после сегодняшнего вечера, но если он достаточно развлечется, то не убьет Райдера.

«Да что же тебя принесло-то! — с досадой подумала я. — Неужели нападение варваров и горящие деревни важнее

жизни?»

Отец решил, что проще уступить дочери. Он глядел на меня с легким недоумением и, видимо, гадал, когда я успела превратиться в капризную стерву. Еще и упрямую, как ба-ран. Начнут оттаскивать силой — не факт, что не порежут о лезвия. Гвардейцы напряжены, они сами на грани, может случиться что угодно.

— Поздравь ее, Корвин, — усмехнулся он. — Ее высочество завтра возвращается на учебу в академию. Этот праздник в честь нее.

Райдер чуть склонил голову. Во взгляде читалась досада: я путалась под ногами и лезла во взрослые дела.

— Поздравляю, — процедил он. — Теперь идите. Вам надо поспать. Вы явно... очень устали.

— Целуйте руку своей будущей королеве! — Я едва не ткнула в лицо генералу тыльной стороной ладони.

Он взял кончики моих пальцев и коснулся кожи сухими горячими губами.

— Целуйте ножку своей будущей королеве! — захихикала я и выдвинула из-под подола кончик атласной туфельки.

Услышала, как фыркнул отец, его смешок тут же нерешительно подхватили приближенные. Ситуация пахла сумасшествием. Гвардейцы с оголенными кинжалами, напряженный Райдер, пьяная в стельку принцесса, решившая поглумиться над боевым генералом.

Райдер прожигал меня черными глазищами. «Остано-

вись!» — требовал его взгляд.

Наверное, он бы предпочел смерть. Да, наверняка. Вот только я не хотела быть к ней причастной. Я могла спасти его. Растоптав его достоинство в труху.

— Какой непослушный, — с обидой проворчала я.

Подошла вплотную, принялась рисовать указательным пальцем узоры на его обтянутой черным сукном груди, дула губы. А потом ухватила за плотный воротник-стойку и потянула вниз.

— На колени! Целуй ножку!

Всей моей силы воли хватило лишь на один короткий взгляд глаза в глаза: в черных радужках Райдера бушевала лютая ненависть.

— На колени!

Десятки рук ухватили непокорного генерала, заставляя его выполнить мой приказ, острия уперлись в спину. Он рухнул на пол под натиском превосходящей силы. Его разоружили еще раньше, и я очень надеялась, что остатки разума не дадут Райдеру кинуться врукопашную.

Ему давили на плечи и спину, заставляя нагнуться к моей туфле. Я не видела, поцеловал ли он ее на самом деле, уверена, что нет. Я смотрела на его склоненную макушку. Вокруг стоял хохот. Дикий. Но люди смеялись скорее от облегчения. Не улыбались только Таисия и Элейн, они замерли, прижавшись друг к другу, обе бледные, как привидения, и смотрели на меня так, будто впервые увидели.

Да, девочки, я сама в шоке. Я нажила себе злейшего врага — и всего-то за пару минут. Учитесь, как надо...

Отцу зрелище пришлось по душе. Он утер слезы, выступившие от смеха, махнул рукой.

— В счет прошлых заслуг я дарую тебе жизнь, Корвин. Ты хотел навести порядок на северных границах? Так давай. Бери отряд и отправляйся... капитан Райдер!

Разжаловал до звания капитана, но не казнил и даже не арестовал. Я незаметно выдохнула.

Гвардейцы подались назад, и Райдер взметнулся с пола как шторм. Кулаки сжаты. Желваки ходят на скулах. Если бы ненависть могла испепелять, я бы осела горсткой пепла.

Я тогда не знала, что скоро Райдеру представится шанс уничтожить меня медленно и с удовольствием.

Глава 3

Майлз прижимал к груди расшитую бисером подушечку — они в изобилии валялись на кожаных сиденьях в карете моей матери. Голову он пристроил на плечо Эрику и дремал, морщась от головной боли, когда рессоры не справлялись с ухабами.

Таисия мученически обмахивалась веером: в тесном пространстве салона, несмотря на приоткрытые окна, от парней пахивало последствиями вчерашних возлияний. Элейн оказалась не столь деликатна и сразу заявила парням, что они свинтусы.

— Не ругайся, — простонал Майлз, приоткрывая опухший глаз. — Я чистил зубы! Если бы ты знала, как я страдаю.

— По своей собственной глупости! — фыркнула Лейн.

Эрик, в отличие от бедолаги Майлза, выглядел довольно бодро, но хмурился.

— Никогда себе не прощу, что не присутствовал при эпическом провале генерала... Ха! Теперь уже капитана! Райдера. Я бы мог увидеть все собственными глазами! Тьфу! Эта история добавила бы мне популярности в академии.

— То есть приглашение на прием во дворец как бы не слишком скажется на твоей блестящей репутации, о Эрик-жаждущий-славы-задранный-нос? — скептически поинтересовалась Элейн.

Эрик почесал ухо и заявил, что популярности никогда не бывает много.

— А кто тебе помешает немного слукавить? — пробурчал Майлз. — Девочки тебя не выдадут. Скажешь, что стоял в первом ряду и готов был кинуться на защиту нашей Рин.

— Голова! — восхитился предложению Эрик и энергично потер костяшками пальцев русоволосую макушку друга, отчего тот взвыл и замельтешил в воздухе руками, отмахиваясь. — Не зря получаешь превосходно, зубрила ты мой дорогой!

Таисия и Элейн не выдержали, прыснули, да и я не сдержала улыбки: парни такие забавные дураlei! Ну как на них злиться? Правда, улыбка тут же погасла: на душе после вчерашнего происшествия скребли кошки.

— Вот кому действительно будет вдвойне обидно, так это Вейну! — воодушевился Эрик. — А нечего тянуть в рот всякую дрянь! Всякую дрянь надо тянуть в рот во время королевского приема, а не до!

Вейн был шестым участником нашей компании, сложившейся случайно, осенью первого курса, когда наставник распределил смущенных новичков для групповой работы. Уже и не помню, какое задание нам дали. Тренировать сообщество простейшее заклинание по управлению ветром? Написать реферат? Теперь и неважно. Главное, что мы, такие разные, крепко сдружились.

Здоровяк Эрик, не хватающий звезд с неба, немного

хвастливый, но в целом славный парень. Умняшка Майлз. Робкая и нежная Таисия. Гордячка Элейн: она любит всех поучать и открыто говорила правду в глаза. Добродушный толстяк Вейн, мягкий как подушка — как по форме, так и по характеру. И я, принцесса — колючка Рин.

Вейн без конца что-то жевал. На его благо, двери академической столовой всегда были открыты для высокородных отпрысков: а ну как дитятки осунутся, отощат? Но по мне, так Вейну не помешало бы больше заниматься тренировками мышц и меньше — нагрузками на живот.

И хотя за год учебы в академии он похудел совсем чуточку, его родители, видимо, пришли в ужас, получив в начале каникул «изголодавшегося» наследника. В итоге на королевский прием Вейн не попал по причине «острого несварения желудка», так было написано в письме с извинениями. «Пережрал!» — подытожил Эрик.

— Я думаю, Вейн не расстроится, — ответила я Эрику. — Он не любит лишние волнения. Да он бы сбежал тут же, как только генерал Райдер кинул на пол гвардейца!

Подруги притихли, видимо, заново переживая события вечера. Парни молчали по другой причине: Эрик досадовал, Майлз дрых.

— Честно говоря, ты меня вчера немного напугала, Рин, — негромко сказала Элейн. — Непохоже на тебя. Это... что-то личное? Какие-то личные счеты между тобой и красавчиком-генералом?

— Красавчиком? — хмыкнула я. — Скажешь тоже!

Черные глазищи, воскресшие в воображении, снова прожгли во мне дыру размером со вселенную.

Отшутиться не получилось: Лейн требовательно смотрела на меня, и Таисия поглядывала искоса. Обоим хотелось услышать объяснение моего безумного поступка.

Что я могла ответить? Если уж начинать этот разговор, пришлось бы подробно рассказать о непростом характере моего отца. Хотя «непростой» — мягко сказано. Самодур и тиран — вот это вернее. И все-таки он мой отец, какой ни есть. Я не стану его очернять. Пусть подруги думают, что у меня случилось затмение рассудка.

— Да, это личное, — согласилась я. — Между мной и ним.

Я увидела себя шестнадцатилетнюю, с дневником на коленях. Со слезинкой, повисшей на кончике носа. На пустой странице, не поставив дату, я писала и писала, разрывая бумагу острым кончиком карандаша: «Мерзкий гадкий Корвин! Гадский гад! Видеть его больше не хочу! Никогда!»

Так что у нашей ненависти длинная история...

— Приехали! — крикнул кучер.

Скрипнули рессоры, карета остановилась. Два гвардейца из личной охраны, ехавшие на запятках, спрыгнули за землю, шумно затопали, разминая затекшие ноги. Распахнули обе дверцы, готовясь помочь нам спуститься.

Эрик, ворча, отодвинул руку в латной перчатке, сиганул с высоты, с удовольствием потянулся. Майлз, не желая отста-

вать от друга, прыгнул следом и мешком свалился на утоптанную дорогу, жалобно застонал.

— Ну куда ты, олух? — добродушно пожурил его Эрик и помог ему подняться, придерживая за воротник. — Сломаешь ногу, я тебя не буду таскать на занятия на закорках!

— Будешь, будешь! — усмехнулась Элейн, величественно спускаясь по подставленной лесенке.

— Никто не хочет пропустить высочество вперед? — поинтересовалась я, оставшись в экипаже последней.

Охранники слегка напряглись, переглянулись, не зная, что им следует предпринять. Начать запихивать выбравшихся парней и девушек обратно в экипаж, чтобы не впасть в немилость у принцессы? Но мои друзья лишь рассмеялись, зная меня так же хорошо, как когда-то знала Мелли.

— А ты не зевай, высочество!

И Эрик, не дожидаясь, пока я, аккуратно придерживая подол, ступлю на лесенку, подхватил меня за талию и под аккомпанемент писков и ахов Таисии опустил на землю.

Распахнутые ворота академии Арканум Розендорф встречали возвращающихся с летних каникул студентов. Тут и там слышался смех, радостные возгласы. Парни и девушки на ходу обменивались новостями и маленькими сувенирами, привезенными из дома.

Меня замечали, узнавали, приседали в реверансах, но, к счастью, не слишком усердствовали. Я была здесь одной из своих — такой же студенткой. После давящих сводов двор-

ца я снова дышала полной грудью и улыбалась. Я вернулась
домой!

Глава 4

Первую неделю после возвращения студенты учились шалить-валяй. Солнце светило еще по-летнему жарко, и полки ломились от лакомств, привезенных из дома: родители будто бы отправляли своих чад в дальний поход на северные земли, а не в королевскую академию. Вейн при встрече вручил каждому из нас корзинку с печеньем, сахарными цветами и орешками. Я не любила сладости — эту же корзинку, только со слегка зачерствевшими угощениями я верну своему другу через несколько дней, вот он обрадуется. Свои-то лакомства Вейн успеет слопать!

— Дружище, моих рук уже не хватает, чтобы обнять тебя, — добродушно заметил Эрик. — Не хочешь в этом году походить на индивидуальные тренировки к мастеру Алару?

— Не хочу! — поспешно отказался Вейн, должно быть, живо, как и я в этот момент, представив полосу препятствий с турниками, оврагами и деревянными манекенами, о которые третьекурсники, выбравшие специализацию боевых магов, отбивали себе кулаки. — Хорошего человека должно быть много!

— Тебя уж слишком много, Вейн, — покачала головой Элейн. — Ты не поместишься в министерском кресле, когда придет время сменить на посту своего отца.

— Я не собираюсь становиться министром, — огорошил

нас друг. — После второго курса я планирую выбрать целительское направление и стану курировать больницы!

— Это что-то новенькое, — удивилась я. — Ты же соби-
рался пойти по теоретической части? История магии, древ-
ние руны и артефакты и вот это все.

Вейн пожал плечами.

— Передумал.

Первые два курса учебы были общими для всех. Студенты посещали одни и те же лекции, практикумы и семинары. Мы изучали теорию магии, основы рунологии и плетения заклинаний, этикет и политику — куда без них. Нас знакомили с основами боевой и целительской магии. Первая тесно переплеталась со стихиями, а вторая — с алхимией. Я терпеть не могла как возиться в грязи на полигоне, так и варганить дурнопахнущие зелья и мази. Зато писала для всех друзей контрольные по истории магии. Руны, артефакты и древние языки? Это тоже ко мне!

Какими бесполезными покажутся мои оценки «превосходно» по этим предметам, и месяца не пройдет!

На третьем курсе мы выбираем специализацию, и я как будущая правительница собиралась углубиться в политологию. Я хотела изменить мир к лучшему, просто пока не понимала как.

К концу листоверта за закрытые стены академии стали просачиваться тревожные слухи о том, что в королевстве неспокойно. Никто ничего толком не знал, правда переме-

шивалась с вымыслом, так что к любой новости можно было добавить «вроде бы». Вроде бы имение родителей первокурсника Тейна захватили и разорили крестьяне их деревни. Но это не точно, ведь бледный и молчаливый Тейн не получал вестей от родителей вот уже две недели. Вроде бы такие крестьянские восстания вспыхивали повсеместно. Вроде бы собралось ополчение из всяческого сброда и это дикое войско пыталось взять штурмом дворец, но регулярная армия отбросила его назад.

Ректор академии получил приказ из рук самого короля «не поддаваться на провокации» и не останавливать учебный процесс. Отец, как всегда, был очень самоуверен. Он еще никогда не проигрывал и не верил, что не даст отпор какой-то разношерстной швали.

Лучше бы он всех распустил по домам! Сколько бы жизней удалось спасти...

А хуже всего был такой слух: вроде бы бывший генерал королевской армии Корвин Райдер перешел на сторону бунтовщиков, возглавил их и направил.

— Если это так, нам всем крышка! — открыто говорили мои однокурсники на лекциях, вместо того чтобы прилежно записывать конспекты. — Райдер — треклятый военный генерал!

Наши наставники крепились изо всех сил, стараясь не выдать волнения. Они знали больше, но нам рассказать не могли. В конце концов, после нескончаемых вопросов студентов

и шушуканий по углам, ректор собрал всех в парадном зале и объявил, что опасности нет.

— Посмотрите на ее высочество Рианну, — призвал он, и все принялись озираться, отыскивая меня взглядами. — Она здесь, с нами. Разве его величество не спрятал бы ее, если бы хоть на миг усомнился в незыблемости стен академии! Направьте вашу неумную энергию на то, что действительно важно — на учебу! Будущее Невериона в ваших руках!

Он хмуро уставился на парнишку-третьекурсника, за которым тянулись хвосты с прошлого года, и хмыкнул:

— Поэтому единственное, что меня по-настоящему пугает, это то, что Генри в будущем займет пост министра юстиции.

Генри съежился, студенты захохотали. Я оценила, как ловко ректор снял напряжение, но невозможно вечно замалчивать проблемы.

Впрочем, долго замалчивать и не пришлось. Спустя два дня после пафосной речи начальника академии Арканум Розендорф пала под натиском оборванцев, которых никто не воспринимал всерьез.

И вот мы в том же парадном зале, где все перевернуто вверх ногами. Бархатные шторы сорваны и валяются на полу, стулья разломаны, сквозь трещины в окнах прорывается осенний ветер, так что скоро шторам нашлось применение — студенты разбивались группками, распределялись вдоль стен, садились прямо на пол и закутывались в эти пыльные

полотнища. Одеты все были кое-как: парни в пижамах, девушки в ночных сорочках, лишь немногие впопыхах накинули форменные куртки или домашние кофты.

Майлз схватил меня за руку и потащил в угол, огороженный лежащим на полу столом. Он издалека заприметил Вейна, сидящего на корточках, тот тяжело дышал и отирал пот со лба. Рядом с ним ютились Таисия и Элейн, подруги дрожали, вцепившись друг в друга.

— Рин... — прошептала Таисия, протягивая мне руку.

— Арин, — поправил ее Майлз. — Теперь она Арин.

Я плюхнулась в серединку между девочками, мы прижались друг к другу, чтобы согреться и немного успокоиться. Последним появился Эрик. Несмотря на то, что на его скуле наливался багровый синяк, такой огромный, что и глаз вот-вот заплывет, он держался молодцом и даже насмешливо улыбнулся, присмотревшись к нашей трясущейся троице.

— Ути-пути, вы как щеночки моей матушки: тощенькие, маленькие и смотрите такими же умильными глазками.

Элейн зашипела, но я примирительно погладила ее по руке: Эрик таким дурацким способом пытался нас подбодрить.

— Смотрите, что я для вас раздобыл!

И Эрик продемонстрировал разодранную суконную скатерть — одну из тех, которыми раньше накрывали столы в комнате отдыха. Он набросил ее на наши сомкнутые плечи и свел концы вместе, закутав нас в теплый кокон. Посмотрел добродушно и встал напротив, спиной к нам, лицом к гене-

ралу Райдеру, закрыв нас собой. Майлз, крихтя, переместился к нему ближе, присел на край перевернутого стола.

— Вейн, да сиди ты, — прикрикнула Элейн на нашего неповоротливого друга — он тоже делал попытку подняться, но весь трясся как желе, раскраснелся, и на него было жалко смотреть.

— Почему он не уходит? — прошептала Таисия.

— Кто? — Я проследила за ее взглядом. — А, Райдер... Не знаю.

Я старалась не смотреть в его сторону, представляла, что его здесь нет. Да и он словно забыл обо мне, следил за тем, чтобы все студенты записались, а когда помощники поднимали четыре или пять пальцев, давал знак воякам и те вытаскивали старшекурсников за двери. Жалобные мольбы и крики стихали где-то во дворе, за пределами стен.

— Зачем они их уводят? — Таисию передернуло от страха.

— Я... не знаю...

Мы обменялись взглядами с Элейн: обе подозревали самое худшее.

— А нас потом куда?

— Скоро все выясним! — строго одернула ее Элейн. — Не реви, держи себя в руках! Слезами тут не поможешь!

Списки составили, имена записали. Проклятый Райдер прицепил на воротник булавку с ярко-красным камнем, и его голос, усиленный артефактом, загрохотал, достигая ушей

каждого перепуганного студента.

— Временное правительство только что созданной свободной республики Неверион поручило мне передать сообщение для вас.

Генерал Райдер сделал паузу, взгляд метнулся по лицам, глаза сузились, будто бы он старался удержать в себе черное пламя, рвущееся на свободу.

Выглядел ли он торжествующим? Нет. Он казался до крайности уставшим и злым.

— В этом году вы все отобраны как участники игр Королевской жатвы. Правительство свободной республики считает это справедливым возмездием за сотни молодых жизней, загубленных тираном Рэтклиффом на бойнях, устроенных ради развлечения. Ваши родители поощряли Жатву, и если не принимали в ней участие, то не препятствовали ей. Они получают возможность наблюдать за ходом игры.

Что тут началось! Крики, плач, мольбы. Меня сковал ужас, Вейн как заклинание повторял одни и те же слова: «Мои родители это не одобряли! Мои родители не одобряли, клянусь!» Майлз согнулся пополам, вцепившись себе в волосы. И только Эрик обернулся к нам и подмигнул:

— Не бойтесь, девочки! Мы всех сделаем!

Глава 5

Когда я вернулась в свою комнату, ночная тьма за окном сменилась серым рассветом. После пугающего заявления генерала Райдера я была уверена, что всех нас кинут в темницу и запрут до самого начала Жатвы. Вот только темниц в академии не было, лишь подвалы, где хранилась старая мебель и располагались кладовые с припасами. Я истерически хихикнула, представив перепуганных студентов среди головок сыра и колбасных колец. Вейн бы обрадовался...

Может, все не так плохо, если нам позволили вернуться в общежитие? Конечно, в коридорах, на выходах из здания и у ворот дежурят ополченцы, мимо них и мышка не прошмыгнет, и отпускать нас никто не собирается, но нас не связали, не избили — по крайней мере больше, чем это было необходимо. Хотят, чтобы мы оставались невредимыми до начала игр.

Таисия безнадежно рыдала всю дорогу, пока нас разводили под конвоем по спальням. Ни бодрящие шутки Эрика, ни уговоры Майлза, ни суровый выговор Лейн, призывающий держать себя в руках — не помогали.

Ее комната была первой, в начале коридора второго этажа. Таисия замялась на пороге, отчаянно глядя нам вслед, будто нас разлучали навеки. Но ведь это не так! Я бросилась к ней и крепко обняла. В мои плечи немедленно вцепились жесткие

пальцы конвоира, пытаясь нас разделить. Снова останутся синяки: у меня очень нежная кожа.

«Как у истинной аристократки! — всегда восторгалась Мелли, когда купала меня и осторожно намыливала губкой. — Чуть тронь — и отметина. Как у принцессы, что провела ночь на бобовом зернышке. Помнишь, я тебе читала эту сказку, моя девочка? Но так оно и неудивительно! Ты ведь принцесса по праву рождения!» Раньше я гордилась этой своей особенностью, ведь благородная кровь проявляла себя. Но не сейчас. У меня уже болело все тело, а меня только пару раз грубо схватили, даже не особо усердствовали.

— Все будет хорошо, — прошептала я в ухо Таисии, стараясь говорить уверенно, так, как учила меня мама на «часе наставлений»: говори твердо, решительно, и подданные не станут сомневаться. — Я вытащу нас отсюда! Ты веришь своей будущей правительнице?

— Да, ваше высочество, — пролепетала подруга.

Я не позволила ей согнуть колени в реверансе, но после моих слов Таисии явно полегчало. Где бы мне самой разжиться смелостью? Сердце то замирало, то пускалось вскачь.

— Что ты ей сказала? — тихо спросил Майлз. — Вейна тоже не мешало бы подбодрить.

Мы посмотрели на Вейна, который шел, спотыкаясь, не глядя под ноги. Ростом он не уступал Эрику, он был настоящим гигантом, только слишком мягким — увы, во всех смыслах слова. Его бы огромные кулачищи пустить в дело!

На пару с Эриком они бы, может, справились с тремя вооруженными конвоирами. Один возглавлял шеренгу трясущихся второкурсников, второй шел в середине, последний замыкал. Почему мы бредем как овечки на заклание? Я оглянулась в надежде поймать хотя бы один дерзкий взгляд, но мои однокурсники боялись лишний раз поднять голову.

Я поравнялась с Вейном и легонько ткнула его кулаком в плечо.

— Эй, не раскисай, ладно? Мы что-нибудь придумаем! Нас, наверное, просто запугивают! Они ведь не пошлют нас на бойню в самом деле! Просто взяли в заложники.

— Думаешь? — Вейн приободрился. — Да, да, я тоже так считаю!

— Да! — подтвердила я и выдавила улыбку.

— Ты молодец... — прошептал Майлз, когда я снова сбавила шаг и поравнялась с ним. — Ловко придумала. Я и сам почти поверил, что нас не отправят на убой.

— Ты самый умный из нас всех, — грустно сказала я. — Ты все понимаешь. Отправят. И именно на убой. Все уже решено.

Мне удобно было считать себя обычной девчонкой, но я с детства варилась в котле дворцовых интриг, я знала, зачем нас хотят принести в жертву. Все просто и жутко: революции мало свергнуть короля-тирана, ей нужно накормить народ зрелищем, показать, что справедливость восторжествовала.

— Но мы еще повоюем! — Эрик появился за нашими спи-

нами и обнял нас за плечи. — Продадим наши жизни подороже!

— Я так вас люблю, ребята... — выдохнула я, борясь со слезами.

Оказавшись в комнате, я подперла выбитую дверь стулом, осела прямо на пол и закрыла лицо руками. Не знаю, сколько я так сидела, покачиваясь и всхлипывая. Волны паники захлестывали меня с головой. Что же делать? Что же делать? Неужели нет никакого выхода? Ни единой возможности спастись?

А что с моими родителями? Они живы? Убиты? Пока не могла об этом думать...

Ненавистный Райдер, оглушив нас новостью, холодно перечислил, что нас ждет дальше.

Сначала короткая боевая подготовка в течение трех недель под руководством преподавателей. Надо же, какая милость со стороны новой власти: мы сможем пользоваться магией! Это зрелищно и пахнет благородством. Мол, юноши и девушки из простолюдинов не могли за себя постоять, а высокородным детишкам мы дадим такую возможность. Да только у студентов первых трех курсов магия слабая, почти не развитая. Вот старшекурсники задали бы жару...

Я зажмурилась и как наяву увидела Виту, учившуюся на четвертом курсе. Я вспомнила, как она, рыдая вцепилась в косяк двери побелевшими от напряжения пальцами. Она все

силы на это бросила, держалась так, будто ее уносило в море бурным течением. Ее и в самом деле уносило: два парня из ополченцев — лицо одного все в отметинах от оспы, у другого перебинтована голова — схватили ее за ноги и поперек туловища и тащили прочь. Бесполезно. Тогда они стали отцеплять ее пальцы один за другим. Один за другим. А Вита все держалась и молила отпустить ее, повторяла «пожалуйста, пожалуйста».

Студенты младших курсов смотрели кто куда: в пол, в сторону, прятали лицо в сгибе локтя, не в силах вынести это зрелище. А я заставила себя глядеть на Виту. Чтобы запомнить и никогда никому ничего не простить.

После боевой подготовки нас отвезут в лагеря на окраине столицы. Отец их создал специально для Жатвы. Я слышала, там даже выстроена арена для битв. Но я никогда не интересовалась, как проходят смертельные игры. Что с нами будут делать там? Неизвестность пугала до жути.

Спустя час, или три часа, а может быть, вечность спустя я поднялась с ковра, на котором сидела, и переползла в постель.

«Надо отдохнуть, Рин, — произнес в моей памяти голос доброй Мелли. — Давай, Рин, закрывай глазки. Набирайся сил, они тебе понадобятся!»

Вечером нас начнут тренировать, обучать новым заклинаниям и боевым приемам. А какой из меня боец, если я чувствую себя выжатой тряпочкой?

Сон не шел.

«В доме стало тихо-тихо... — Где-то глубоко в подсознании воскресла колыбельная, моя славная Мелли носила меня по комнате, крепко прижав к груди, спрятав и защитив от всех бед. — Спит собачка, котик спит. Муха мушек уложила, крылышком своим укрыла, сонно песенку жужжит. Спит котенок на окошке, в мягких тучках спит луна, почему же наша крошка в эту ночь лежит без сна?..»

Горькие слезы покатались по моему лицу, но, удивительно, дрожь унялась, тело расслабилось, и сознание уплыло в ту волшебную даль, где нет печали, боли и отчаяния.

Глава 6

Холодный ветер гонял по полигону сухие травинки и деревянные опилки, высыпавшиеся из прохудившихся мешков на другом краю поля: на них студенты обычно отрабатывали удары воздушной стихии.

Студенты первых трех курсов выстроились в шеренги друг за другом и ловили сквозь шум и свист ветра каждое слово магистров. Ополченцы, не занятые на дежурствах, растянулись по периметру полигона. Они пришли поглазеть на тренировку «барашков», как они нас прозвали в первый же день, и позубоскалить.

— Посмотрите, какая хорошенькая барашка, вся в колечках!

Остряк в порванном ватнике сплюнул сквозь щербину в передних зубах и указал на первокурсницу Лили: ее светлые волосы действительно завивались мелкими кудряшками. Во-яки заржали и заулюлюкали, Лили сжалась, стоящий рядом с ней парень стиснул кулаки и сделал шаг из строя, но его остановил гневный окрик мастера Алара:

— Стоять! Все смотрите на меня!

Я с усилием заставила себя оторвать гневный взгляд от отребьев на краю поля и повернула голову к магистру огненной магии. Выглядел он внушительно, сразу видно, что принимал участие в сражениях: половина лица и головы покрыта

шрами от старых ожогов, ни волос, ни бровей! Поэтому, когда мастер Алар поворачивался к студентам правой стороной, выглядел он жутковато. А теперь и левая превратилась в багровое месиво: он бился до последнего, защищая стены академии.

— Слушайте меня внимательно! Ваши испытания только начинаются, и не стоит тратить силы на недостойных этого людей. Не доставляйте им такого удовольствия!

Там и тут мои однокурсники согласно кивали.

— Постарайтесь сосредоточиться и за эти три недели взять максимум из того, что мы сможем вам дать! К сожалению, мало с кем из вас мы встречались на индивидуальных тренировках. Вы думали, что боевая магия вам не пригодится, вы готовились к другому пути, но жизнь, увы, порой непредсказуема. Мы с коллегами разработали учебную программу. Мы не сделаем из вас боевых магов в отведенный нам жалкий срок, но приложим все силы, чтобы вы не погибли в первый день Ж...

Горло мастера Алара стиснул спазм, он не сразу сумел договорить.

— Жатвы!

Трое преподавателей за его спиной быстро переглянулись. Мастер Орвик сжал и медленно расслабил могучую лапищу — у мага стихии земли были огромные руки кузнеца, да и рост соответствующий. Вторая рука, переломанная в бою, крепилась повязками к туловищу. Говорят, в ночь переворо-

та он отламывал куски стен и кидал их в наступающих, выворачивал из-под земли валуны и деревья с корнем. Благодаря ему академия держалась довольно долго.

Мастер Селина, единственная женщина среди преподавателей-боевиков, на вид хрупкая, маленькая, была сильным магом-воздушником. Бледный мастер Норвик управлял водной стихией.

— Они даже не стали название менять! — прошипел Майлз из-за моей спины.

— Это нарочно сделали, — откликнулась Элейн.

Вейн, расположившийся передо мной, вынул из кармана булочку с прилипшими к ее боку соринками, отряхнул ее и принялся флегматично жевать.

— Да где ты ей разжился, дружище? — удивился Эрик, стоящий в соседнем ряду.

— Это стратегический запас, — пробурчал Вейн с набитым ртом. — Будешь?

Он отломал половину и передал Эрику.

— Девочки? У меня еще есть.

— Замолчите все! — приказала я. — И слушайте! По десять раз повторять не будут.

Мастер Алар как раз прервался, чтобы хмуро оглядеть нашу неразлучную компанию, задержал пристальный взгляд на мне.

— Я не слышу ничьих голосов, кроме ваших. Вы считаете, что достаточно подготовлены и не узнаете ничего нового?

Может быть, вам и на тренировки ходить не нужно, а? Эрл Вейн Моркан, эрл Эрик Грейвуд, эрл Майлз Чепик, ярла Таисия Астэр, ярла Элейн Крейн...

Он методично перечислял наши имена, медленно поворачивая голову. Поразительная память, если учесть, что хорошо знал он только Эрика: тот ходил к нему на индивидуальные занятия. И снова взгляд серых стальных глаз устался на меня.

— Ярла Арин Торн.

Я в первое мгновение не поняла, о ком он говорит, я на чисто забыла, что вчера назвалась Арин.

Студенты зашептались, услышав незнакомое имя, а потом поглядели туда же, куда смотрел боевой маг, и удивились еще больше.

Преподаватель свел брови к переносице, вернее, одну бровь, ведь на месте второй оставался бугристый шрам, и окинул суровым взглядом теснившихся студентов.

— Все всё поняли? — строго спросил он.

Меня затопила благодарность к этому неприветливому человеку. Он притворился, что делает нам выговор, а на самом деле использовал возможность, чтобы прикрыть мою венценосную задницу. Вот, мол, смотрите и запоминайте: здесь нет никакой принцессы Рианны, есть только студентка Торн. И только попробуйте ее выдать!

Майлз дружески потыкал меня в лопатку, я дернула плечом, сбрасывая его руку.

— Слушай, не отвлекайся!

— Во время Жатвы погибли многие... — Магистр переждал волну вскриков и всхлипов и продолжил: — Запомните, что я сейчас скажу. В первую очередь погибают не те, кто слаб. Слишком медлителен или глуп, или самоуверен. Кто ваш главный враг на Жатве? Кто ответит?

Первокурсник поднял дрожащую руку и сказал:

— Ловчие? В этом году их наберут из простолюдинов. Многие хотели бы поквитаться за гибель родных...

— Нет, — отрезал мастер Алар и кивнул второкурснице, которая тянула ладонь.

— Ловушки? Их создали еще до... До всего этого. В этом году король Рэтклифф выбрал особенно изощренные. — Она сглотнула и кинула быстрый взгляд на меня.

— Нет.

Больше желающих ответить не нашлось.

— Ваш главный враг — страх, — прорычал мастер Алар, негодуя, видимо, что мы такие тупицы. — Он туманит разум, обессиливает, вгоняет в отчаяние! Сегодня мы с вами будем учиться справляться с ним, с вашим самым коварным врагом.

Не успел мастер Алар договорить, как поднял руки — и с его ладоней в сторону шеренг устремился поток ярко-алого пламени. Парни и девушки заорали, падая на землю, кто-то присел, закрывая голову. Я распласталась на редкой траве, носом в сухую пыль, на мне сверху лежало что-то тяжелое,

придавливая к земле.

— Ты как? Цела? — спросило что-то тяжелое голосом Майлза.

Мой друг повалил меня ничком и закрыл собой. Одно радовало: хорошо, что на меня рухнул не Вейн, иначе мои игры закончились бы, не успев начаться.

— Поднимайтесь! — прогреготал мастер Алар.

Сбоку тоненько рыдала Таисия, Элейн злобно ругалась, а Эрик, подмявший под себя сразу обеих, теперь пытался их поднять. Мы с Майлзом кряхтя распрямились.

— Это был первый урок! — жестко сказал боевой маг. — А теперь мы разделим вас на группы для продолжения занятий. Итак, к мастеру Орвику отправляются...

Нас с друзьями распределили к мастеру Селине, она выглядела самой безобидной и доброй из всех преподавателей, да и стихией ее был воздух — звучит вполне безопасно.

Напрасно мы радовались раньше времени!

Глава 7

Я и мои друзья стояли плечом к плечу в шеренге, растянувшейся вдоль дальнего края поля рядом с теми самыми потрепанными мешками с опилками. В группе оказались и первокурсники, и третьекурсники — не знаю, по какому принципу разделил нас мастер Алар. И тех и других вместе с нами набралось двадцать четыре человека.

В академии Арканум Розендорф на каждом курсе училось около тридцати студентов, не так-то легко сюда было попасть даже детям аристократов. Это были или наследники высших родов, или отобранные за выдающиеся заслуги, как Майлз или Элейн, иногда по протекции королевского совета. На Королевскую Жатву отправятся чуть больше шестидесяти человек, как раз столько, сколько обычно набирали жребием среди жителей деревень и городов.

Я никогда об этом раньше не задумывалась, а теперь то и дело представляла, как проходила жеребьевка. На ратушную площадь с раннего утра сгоняли юношей и девушек шестнадцати лет и старше. В первый год родители пытались их прятать, увозили из города, но позже всех дезертиров разыскивали ловчие и уничтожили без всякой надежды на спасение. Проще было явиться на «Перст судьбы» — так пафосно обозначали жеребьевку в королевском указе — и надеяться, что ты не окажешься тем самым «счастливымчиком», одним из

нескольких сотен кандидатов.

Воображение рисовало яркую картинку. Вот глашатай на высоком помосте вынимает из холщового мешочка свернутую трубочкой бумажку с именем, кто-то в толпе вскрикивает, люди отшатываются от избранного жребием парня или девушки, словно боятся заразиться его невезением. Он или она озираются в недоумении, не могут поверить, что все происходит взаправду. Обычно слез нет, наоборот, их лица застывают, точно маски. В глубине души они понимают, что уже мертвы. Уже мертвы, хотя еще дышат и сердце бьется.

Почему я это не остановила? Почему даже не попыталась, когда могла? Нет ответа.

Но у этих несчастных хотя бы был шанс до того, как рука в перчатке опустится в мешок и бесстрастный голос, усиленный артефактом, прокатится по площади, называя имя. Нас же отправят на Жатву в полном составе.

— Эй, очнись. — Элейн подтолкнула меня локтем, возвращая в реальность. — Где ты витаешь?

Я кивнула и постаралась сосредоточиться на речи мастера Селины, начало я пропустила.

— ...огненная стихия, земляная и водная в основном используются для атаки и требуют много энергии, — говорила она, расхаживая взад и вперед перед шеренгой студентов.

Впервые преподавателя слушали так серьезно, никто не болтал, не отвлекался по пустякам, как это частенько случалось на занятиях.

— Поэтому в первую очередь мы будем учиться не атаковать, а защищаться! Воздушный щит — самый распространенный, самый доступный способ защиты. Даже слабый маг не потратит много сил, призывая воздушную стихию себе на помощь. Почему? Кто ответит?

— А чего его призывать, — пробурчал наш умняшка Майлз. — Воздух везде и всюду, стоит руку протянуть. Нужно только сплести нужное заклятие.

— Которое вы все проходили еще в начале первого курса, не так ли? — прищурилась мастер Селина, скользя взглядом по внимательным лицам. — На ознакомительных практиках.

— Проходили... — согласился Нильс с третьего курса. — Но в основном — мимо.

Все захихикали над остротой Нильса, и сама мастер Селина усмехнулась, но тут же, без предупреждения, толкнула рукой воздух ладонью в направлении долговязого Нильса и отправила того в недолгий полет, закончившийся тем, что третьекурсник распластался на земле, раскинув руки и ноги. Мы с ужасом следили, как он поднимается на четвереньки, тряся головой. А ведь мастер Селина будто и усилий не прилагала, призвав тот мощный поток ветра, что ударил Нильса в грудь, протащил два метра и опрокинул навзничь.

— У вас пять секунд, чтобы вспомнить и сплести заклинание воздушного щита, — спокойно сказала она, отправляясь к началу шеренги — явно с намерением пройти по

всем нам и проверить на практике, на что мы способны.

— Так нечестно! — пискнула Лили, оказавшаяся в нашей группе вместе со своим другом Тирелом. — Разве вы не должны нас сначала научить?

— Вас учили, — парировала мастер Селина. — Вряд ли на Жатве вам дадут возможность покопаться в учебниках! У вас и пяти секунд не будет!

Короткий взмах ладонью, и Тирел, стоящий первым, повторил судьбу Нильса, через секунду рядом с ним рухнула Лили. Я думала, что воздушница смягчит удар, но хрупкую Лили проволокло по земле даже дальше, чем тяжелого Нильса. Она залилась слезами, однако мастер Селина и бровью не повела.

Рядом со мной Майлз что-то забормotal. Не молится же он Творцу Миров, в самом деле? Пылкие молитвы прибережем на потом. Мастер Селина размеренно двигалась вдоль шеренги, и пока никто из нашей группы не сумел противостоять ее ударам. Преподавательница не ругалась, не отчитывала нас, лишь хмурила брови и все сильнее стискивала челюсти.

Майлз схватил меня за рукав и дернул, приближая губы к моему уху.

— Аэр skutум, — горячо прошептал он. — Вентус Барра. Передай дальше!

Я уставилась на него в изумлении и едва ли не благоговении. Он что же, помнит эту тарабарщину с первого курса?

— Арин, передавай! — вывел он меня из ступора.

Я качнулась вправо, в сторону Элейн, и повторила ей формулу заклинания. Слова древнего языка были не просто звуками, пустыми сотрясениями воздуха, они заставляли магию работать. Тут еще, конечно, надо попотеть над акцентами и интонацией и, по-хорошему, потратить на отработку заклинания не меньше получаса, но где бы взять столько времени: мастер Селина приближалась, не задерживаясь ни на секунду.

Элейн притянула к себе Таисию, та быстро закивала. Только бы по дороге к ушам Вейна половина звуков не исказилась! Тут я увидела, что Эрик тоже что-то шепчет нашему флегматичному другу. Точно, Эрик ведь ходит на тренировки, уж такое простецкое защитное заклинание должен знать назубок! В итоге Вейну пришлось выслушивать подсказки с двух сторон.

Меж тем мастер Селина оказалась напротив Майлза и махнула почти не глядя, уверенная, что он ничем ее не удивит: до сих пор студенты падали как подкошенные. Воздушный поток толкнул Майлза в грудь и... обтек его, понесся над полем, добрался до группы, тренирующейся на другом конце под руководством мастера Орвика, взъерошил волосы парней, рванул полы форменных курток, раскидал горсти земли, заготовленные для бросков.

— Селина! — с неудовольствием гаркнул великан Орвик.
— Кто будет гасить магию? Ты-то, чай, не первокурсница!

— Извини! — крикнула мастер Селина.

Ее щеки порозовели, и я увидела, что наша преподавательница еще очень молода. Сколько ей лет? Не больше двадцати пяти. Она по-видимому не ожидала, что хоть кто-то сумеет создать воздушный щит, но быстро взяла себя в руки и кивнула Майлзу.

— Ты молодец.

Маленькая заминка оказалась мне на руку, я мысленно несколько раз прокрутила слова древнего языка, и следующий удар не застал меня врасплох. Я даже не сдержала гордой улыбки в ответ на удивленно приподнятую бровь мастера Селины.

— Все понятно, — добродушно усмехнулась она. — У нас тут временная коалиция.

— Почему же временная, — вздернула подбородок Элейн. — Постоянная!

Я гордилась подругами, особенно Таисией. Она побледнела, закусила губу в ожидании удара, но ее щит выдержал, она лишь немного отшатнулась назад, но осталась стоять на ногах. Всех удивил Вейн! Мало того, что его щит не пропустил поток воздуха, он будто бы спружинил и отбросил удар назад к мастеру Селине — она развеяла его в последний миг и в изумлении уставилась на спокойного Вейна.

— Что это было?

— Щит, — объяснил тот, как будто это было что-то само собой разумеющееся.

— Как тебе удалось использовать его для атаки?

Вейн пожал плечами.

— Не знаю. Я просто представил себя мячиком.

— Мячиком? — переспросила мастер Селина, думая, очевидно, что ослышалась, но она просто плохо знала нашего друга.

Эрик фыркнул, Элейн закатила глаза, даже Таисия хихикнула, воодушевленная первой маленькой победой.

— Мячиком, — повторил Вейн. — Он прогибается под ударом, а потом распрямляется. Ну... Вы знаете, как это бывает!

Вейну было лень объяснять подробно.

— Мячиком... — пробормотала преподавательница, делая шаг в сторону Эрика, которому уже не терпелось продемонстрировать, на что он способен.

Он перестарался, столько магии потратил на обычный воздушный щит, что побледнел и получил нагоняй от мастера Селины, а вовсе не похвалу. Она прочитала ему, а заодно всем нам, нотацию, что надо соизмерять силы, иначе они закончатся в бою слишком быстро.

— Итак, из двадцати четырех человек на ногах устояли шестеро! — подвела итоги проверки мастер Селина и посмотрела на нашу компанию с оттенком гордости. — Теперь все запоминаем заклинание и учимся держать щиты!

В течение двух часов мы отрабатывали новый навык до полного изнеможения. Мастер Селина могла ударить в лю-

бой момент, без предупреждения, и надо было либо держать щит постоянно, а это отнимало массу сил, либо успеть поставить его за мгновение. Не раз и не два мне пришлось вываливаться в пыли. Только мы более-менее сносно стали выстав-
лять щиты, как коварная воздушница попросила Эрика под-
крадываться исподтишка, пугать нас в самый неподходящий момент, — мы теряли концентрацию и пропускали удары.

— На арене никто не даст вам время, чтобы сосредото-
читься! — Мастер Селина на корню обрывала наши попыт-
ки возмутиться.

Лично меня больше всего злила довольная физиономия Эрика, он явно получал удовольствие от происходящего. По-
этому, когда он подкрался ко мне, выскочил за спиной и за-
выл в ухо как неупокоенный дух, я с чистой душой залепила
ему затрещину.

— Эй, Рин, я просто выполняю свою работу!

— Ну а я — свою, — парировала я. — Ты совсем потерял
бдительность!

Тренировка завершилась с последним лучом заходящего
солнца. Ополченцы сбили нас в кучку, точно отару овец, и
повели в главный корпус на ужин. До чего же потрепанный
вид имели отпрыски высокородных семей: грязные, помя-
тые, мокрые — те, кто занимался у водника мастера Норви-
ка, с подпаленными волосами и выжженными пятнами на
форме — те, кто попал в группу к мастеру Алару. И все же
физическая активность пошла многим на пользу. Отчаяние

стерлось с лиц, многие улыбались или даже смеялись, думаю, что и есть станут с аппетитом, как я сама, а ведь еще три часа назад я не сомневалась, что не смогу проглотить за ужином и кусочка.

Мы, растянувшись в неровный овал, неторопливо тащились к центральному входу, когда на высокое крыльцо вышли трое людей и остановились, оглядывая разом притихших студентов, что невольно стали стягиваться в плотную массу, пряча лица.

Одним из трех оказался, конечно, ненавистный Райдер. Вейн будто случайно встал передо мной, загородив широкой спиной. Но Райдер и не смотрел в мою сторону, он что-то вполголоса говорил кряжистому мужчине с седыми волосами, а тот как раз цепким взглядом всматривался в толпу. Еще была женщина, немолодая, некрасивая, с уставшим и жестким лицом.

— Это распорядители Жатвы, — сказал один ополченец другому, они стояли в паре шагов от меня, поэтому я хорошо их слышала. — Генерал Дирк и полковник Мейна.

Генерал, полковник. Как легко эти простолюдины раздали друг другу звания! Интересно, кем они были в недавней жизни? Ясно одно: эти люди стоят у верхушки революции. Я кинула на них два быстрых взгляда и запомнила навсегда.

— И Райдер тоже один из распорядителей? — спросил рябой вояка, ковыряясь в зубах.

— Не. Кажись, он через пару дней уезжает в столицу, у

него и без Жатвы куча неотложных дел. Он просто помог захватить Розендорф.

— А, ну да, без него бы мы так просто не справились.

«Подлый предатель! Гад! Сволочь! Ненавижу!» Во мне поднялся гнев, настоящая буря ненависти, так что пришлось стиснуть кулаки, чтобы не броситься к негодяю и не вцепиться ему ногтями в лицо.

Эрик что-то почувствовал и положил ладонь мне на плечо.

— Спокойно, — негромко произнес он. — Держись.

— Приветствую, друзья мои, — тягучим и обманчиво добродушным голосом обратился к притихшим студентам седовласый распорядитель. — Я не задержу вас надолго, столы для ужина накрыты и ждут. У меня к вам только один вопрос. Кто-нибудь знает, где могла скрыться принцесса Риганна?

Глава 8

Воздух сгустился, сделался упругим, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Эрик стиснул мое плечо, придавая сил. «Смотри вперед, держи себя в руках!» — говорил этот жест. Я могла лишь надеяться, что выражение моего лица не изменилось, но сердце от недостатка кислорода — я почти задохнулась от страха — колотилось как сумасшедшее.

Почему я думала, что принцессу не станут разыскивать и что Арин Торн окажется в безопасности хотя бы до начала Жатвы? Выходит, Райдер до сих пор хранит мою тайну, очевидно, в собственных интересах, но распорядители так просто не оставят идею отыскать наследницу.

Четыре поколения назад Неверионом правила династия Лиоринов, пока мой предок не захватил трон. Вырезали всех родичей короля, включая невинных детей, чтобы в будущем не допустить возможности нового переворота. Теперь такая же участь ожидает меня, род Вальдарцев должен прерваться.

«Дыши, Рин! Дыши!» Голова отчаянно кружилась, я вот-вот грохнусь в обморок и выдам себя.

Элейн сделала крошечный шаг в мою сторону, тыльная сторона ее ладони соприкоснулась с моей. Я стояла в окружении друзей, и их молчаливая поддержка помогла: я смогла вдохнуть.

Генерал Дирк терпеливо ждал, не торопил, но прищури-

вался и мгновенно поворачивал голову, как флюгер на ветру, в сторону тех студентов, кто имел оплошность пошевелиться, оглянуться, да просто даже вытереть вспотевший лоб.

— А зачем она вам? — Нильс снова взял на себя роль балагура. — Что сделаете, если отыщете? Отправите с нами на Жатву?

Вместо Дирка ответил Райдер. Его голос пустил по моему телу волну дрожи — от страха и ненависти вперемешку.

— Ее казнят, — бесстрастно сказал он. — На дворцовой площади столицы, и все жители свободного Невериона смогут присутствовать на казни. Так же, как сегодня утром при усекновении головы короля Рэтклиффа.

Новость ударила меня под дых, не знаю, как я не согнулась пополам, спасаясь от пронзающей боли, она была такой реальной, словно мне под ребра воткнули раскаленную кочергу. Отец мертв. Отец мертв. А мама? Что с ней?

Весть шокировала не только меня. Кто-то вскрикнул, кто-то разрыдался, и все принялись одновременно повторять на все лады: «Казнь. Убит. Король мертв».

Полковник Мейна с неудовольствием покосилась на Райдера, видимо, известие о казни не должно было дойти до наших ушей так скоро, да к тому же теперь разговоры только о Рэтклиффе, о Рианне спрашивать бесполезно.

— Идите на ужин, — бросил Дирк, поняв, что толку не добьется. — Мы поговорим с каждым по отдельности позже. Может, кто-то что-то видел, слышал, у вас как раз появится

время поразмыслить.

Я получила отсрочку. Распорядители и Райдер отошли в сторону, пропуская парней и девушек, Эрик подтолкнул меня в спину, заставляя тронуться с места. «Не смотри, не смотри на него! — твердила я себе, двигаясь в толпе, окруженная со всех сторон однокашниками. — Не смотри на Райдера!»

Однако голова сама собой повернулась вправо, когда я поравнялась с ненавистным Корвином. Чего я никак не ожидала, так это того, что и он будет пялиться на меня, безошибочно отыскав среди таких же помятых, перепачканных студентов. Наши взгляды пересеклись на мгновение, и его взгляд снова оставил ожог на моем и так изболевшемся сердце.

Студенты занимали привычные места в столовой — хоть что-то в этом мире осталось неизменным — и мы вшестером сели за наш любимый столик у дальней стены, за выступом ниши, создающим видимость уединения.

— Каша? — прищурился Вейн, недоверчиво ковыряя в серовой овсяной жиже ложкой.

В комковатой массе попадались прожилки мяса, еще на столе лежали ржаные хлебцы и стояли стаканы с водой.

— Ешь, — сказала Элейн. — Хорошо хоть так кормят, а не морят голодом.

— Ты права, — горестно вздохнул наш обжора, наверняка вспоминая обычные ужины в королевской академии: сочные стейки, красную рыбу или истекающих соком перепе-

лов, разные виды гарниров, сладости на десерт...

— Арин, ты как? — Элейн накрыла мою безвольную руку своей.

Кажется, я не могла бы сейчас поднять и ложки, так ослабела от переживаний.

— Давай-ка не кисни! — Эрик энергично потер мне спину между лопаток и в прошлые времена несомненно получил бы мой негодующий и холодный взгляд, но теперь дружеская встряска пошла мне на пользу.

— «Не кисни»? — прошипел Майлз, торопливо огляделся по сторонам, но наш столик располагался особняком и разговоры не достигали ушей ополченцев, карауливших выходы. — Это все слова поддержки, которые ты можешь сказать после того, как она узнала о... О казни...

— Не надо, — взмолилась я. — Не сейчас!

— Да, не сейчас! — подхватила Элейн, а Таисия, сама перепуганная и бледная до синевы, только погладила меня по предплечью. — Нашей Арин и так непросто!

Она специально выделила голосом мое новое имя — Арин, намекая, чтобы никто больше, забывшись, не назвал меня просто Рин.

— Прошлого не вернуть, смотрим в будущее, — тихо сказала я. — Принцессы больше нет.

Я стиснула пальцы Элейн, сидящей справа, сжала ладонь Эрика, расположившегося слева, они в свою очередь взяли за руки Вейна и Таисию. Круг замкнулся на Майлзе, и неко-

торое время мы молча сидели, предаваясь скорби, прощаясь с мечтами и надеждами. По крайней мере, мы есть друг у друга, не знаю, как остальным, а мне полегчало. Райдер ничего не сказал о матери, и, если уж на то пошло, мою Мелли точно никто не тронет, что бы ни случилось с родителями или со мной, моя добрая няня останется жива — и мысль об этом придавала сил.

Эрик подвинул ко мне стакан воды и принялся за еду.

— А помните, как мы в комнате Арин играли в бутылочку? — улыбнулся Вейн.

— Это было неделю назад, Вейн, — фыркнула Элейн. — Конечно, помним!

Друзья прокрались ко мне в спальню после отбоя, Эрик где-то раздобыл бутылку легкого яблочного вина, Вейн при- тащил корзину сладостей и сыра, мы уселись на полу, на тол- стом шерстяном ковре. Вейн, пыхтя, сразу прислонился к стене, девочки накрылись длинными подолами, спрятав под ними и туфельки. Эрик принял позу варвара-скарда, скре- стив ноги, и гордо возвышался над всеми, как вождь пле- мени. Майлз возлежал на боку, подперев щеку. Мы передава- ли по кругу пузатую бутылъ из зеленого стекла, отхлебыва- ли по глотку. Кисловатый напиток щекотал горло, и нам ста- новилось все веселей. По академии уже расплывались мрач- ные слухи, но теперь тревога отступила и на ее место пришла безбашенность юности.

Эрик, запрокинув голову, вытряс из горлышка себе в рот

последние капли и закрутил опустошенную бутылку на полу. Толстый ворс ковра тормозил ее гладкие бока, тогда Эрик не поленился, притащил с моего стола стопку учебников и принялся раскладывать их на ковре, мостя его, как плитки. Мы с недоумением наблюдали за его действиями, пока Элейн не спросила за всех с высокомерным любопытством:

— И что ты такое мастеришь, позволь узнать?

— Поиграем в бутылочку! — заявил Эрик.

— На поцелуй? — ахнула Таисия и испуганно прикрыла ладошкой рот.

В приглушенном свете магических светильников, после отбоя работающих в режиме ночников, я плохо видела ее лицо, но не сомневалась, что моя робкая подруга покраснела.

— В щеку, — буркнул Эрик. — Не будь такой трусихой, Тис. Чем поцелуй в щеку отличается от поцелуя руки? А ваши-то ручки я сотни раз целовал.

— Эй-эй, — возмутился Майлз. — Я тебя, конечно, люблю, дружище, но в щеку целовать не собираюсь, и не надеюсь!

— Парень парню жмет руку, само собой! Вы что как дети малые, никогда в бутылочку не играли? Чем вы летом занимались? От скуки умирали?

— Не в каждой семье царят такие свободные нравы, — выговорила ему Элейн, но от игры не отказалась, как и Таисия, наша скромняшка.

Одна гордо распрямила спину, но никого не провел ее

неприступный вид: глаза Элейн горели от предвкушения. Другая спрятала лицо в ладонях, но с любопытством поглядывала из-под неплотно сомкнутых пальцев на бутылку. Закрытая ловкой рукой Эрика, она подскакивала на стыках учебников, тихонько звякала, но вот замедлилась, указывая горлышком в притихшего Вейна, а донышком на Майлза.

Девочки, как и я сама, с облегчением захихикали, парни заржали, явно тоже сбросив напряжение.

— Эрл Моркан. — Майлз протянул руку.

— Эрл Чепик. — Вейн чопорно потряс ее. — Рад встрече.

— После каждого раунда меняемся местами, - напомнил правила Эрик.

Во второй раз история повторилась, только теперь между Эриком и Майлзом. Таисия едва слышно разочарованно вздохнула, а Элейн заерзала. Волнение росло, мы уже не смеялись и в третий раз наблюдали за вертящейся бутылочкой затаив дыхание.

— Тис и Майлз, — провозгласил Эрик.

— Нет-нет-нет. — Таисия затрясла головой и закрыла щеки, но не делала попыток встать и сбежать и с места не тронулась, пока Майлз, ворча — а ворчал он из-за волнения — пробирался через вытянутые ноги Вейна. Он поцеловал Таисию в тыльную сторону ладони, прижатой к щеке: снова наш отличник нашел ловкий выход из неловкого положения.

— Ну хитрец, — прокомментировал Эрик. — Поехали дальше!

Раскрутил бутылочку и наклонился вперед, точно гипнотизировал ее взглядом, заставляя встать, как нужно. У него сделалось такое серьезное и сосредоточенное лицо, какого я никогда не замечала у Эрика на лекциях, на семинарах, да и вообще в жизни. Он вечно балагурил, дурачился, и я не могла представить его физиономии без постоянной улыбки — ухмылки. Разглядывать серьезного Эрика оказалось интересным занятием. Симпатичный парень, оказывается, когда не кривляется. Так и получилось, что я отвлеклась от созерцания бутылочки и пропустила судьбоносное свершение.

— Эрик и Рин, — сказал Вейн. — Ого.

У Эрика просветлело лицо, он в один миг перекатился на пятки и сгреб меня в объятия. Ни мои пiski, ни моя ладонь, упершаяся в его железокаменную грудь, не удержали моего друга от поцелуя. Горячие губы, пахнущие яблочным вином и засахаренным миндалем, прижались к моей щеке рядом с уголком губ. Буквально на мгновение, ведь я огрела его по макушке, оттолкнула и саданула кулаком в бок.

Пока Эрик, глупо хихикая, потирал ушибленную голову, я вскочила на ноги и остервенело отряхнула подол, расправляя его.

— Я — наследница трона, я твоя будущая повелительница! — крикнула я.

— Рин, никто не узнает, — пискнула Таисия, наш главный миротворец и добрая душа. — Мы просто играем!

— Я... Я не могу так! Вы не понимаете. Мне так нельзя!

Я принцесса, мне подберут мужа, когда придет время, а до этого...

Эрик смотрел на меня снизу вверх потухшим и растерянным взглядом и больше не улыбался.

— Прости, — сказал он.

— Если бы я не была принцессой... — пробормотала я, сменяя гнев на милость, и сама расстроенная всплеском эмоций.

В глубине души я понимала, что титул здесь ни при чем, и сколько бы я ни обманывала себя, тот единственный поцелуй — жаркий, сладкий и умопомрачительный — все еще горел в сердце. Я спрятала его в самом потайном уголке памяти. Тот поцелуй был запретным, я приобрела его обманом и заслужила все, что последует дальше: гнев и жестокие слова, из-за которых я едва не рассыпалась на части и долго-долго потом себя собирала.

— Почему ты вспомнил про эту игру сейчас, Вейн? — спросила я и попробовала кашу с кончика ложки, передернулась: масса оказалась соленой и гадкой на вкус.

— Ты больше не принцесса, Арин, — ответил вместо Вейна Эрик.

Он лишь вернул мне мои слова, но взгляд Эрика вместил гораздо больше смыслов. Мой друг смотрел на меня с грустью, состраданием и, как ни странно, с надеждой. Эрик ничего не добавил, но я и так все поняла.

Глава 9

В прачечной стоял тяжелый дух: влажный горячий воздух пах щелоком и хозяйственным мылом. Над чанами поднимался пар, в кирпичных печах жарко горел огонь, превращая промозглое осеннее утро в душный летний полдень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.